
К. МИУРА

Университет Васэда,
Токио, Япония

«Недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречѣстьнѣ» (интерпретация фразы из Сказания о Борисе и Глебе)

РЕЗЮМЕ

В статье подробно анализируется одна фраза из Сказания о Борисе и Глебе, в которой говорится о недоумении, возникшем при погребении Глеба, младшего из убитых святых братьев. На основе сопоставления всех версий повествования о братьях и детального лексического анализа высказывается предположение, что тело Глеба не было изначально захоронено в гробе, но оставлено на месте кончины и заложено срубленными деревьями. Это было обусловлено дохристианскими представлениями об опасности для живых покойника, умершего насильственной смертью в юном возрасте («заложные покойники», по Д. К. Зеленину). Преодолению языческих представлений в значительной степени и был посвящен цикл сочинений о первых русских святых Борисе и Глебе.

Ключевые слова: Сказание о Борисе и Глебе, погребальная обрядность, заложные покойники, язычество, христианизация.

Kyoharu Miura (Waseda University, Tokyo, Japan). 'Being Perplexed, as it was Proper for the Most Venerable' (Interpretation of the Phrase from the Tale of Boris and Gleb)

ABSTRACT

The article analyzes in detail a single phrase from the *Tale of Boris and Gleb*. The phrase describes the bewilderment that arose during the burial of Gleb, the younger of the murdered holy brothers. Based on a comparison of all versions of the narrative about the brothers and a detailed lexical analysis, it is suggested that Gleb was not initially buried in a coffin but was left at the place of his death, covered with felled trees. This was due to pre-Christian beliefs about the danger posed to the living by a deceased person who died an unnatural, violent death at a young age ('mortgaged dead' according to D.K. Zelenin). The cycle of writings about the first Russian saints Boris and Gleb was largely dedicated to overcoming these pagan beliefs.

Keywords: *Tale of Boris and Gleb*, burial rites, mortgaged dead, paganism, Christianization.

Князья Борис и Глеб были сыновьями Владимира Святого, принявшего из Византии христианство как официальную религию Древней Руси. Согласно древнерусским источникам, они были убиты в 1015 г. «окаянным» Святополком и канонизированы до 1072 г., когда их мощи были перенесены в Вышгород в новую каменную церковь. В современной научной литературе существуют разные точки зрения о роли исторических лиц в убийстве святых братьев.¹ Автор этой статьи разделяет традиционную точку зрения.

¹ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: (Опыт анализа). М., 1957; Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. (См. также: Назаренко А. В. Борис и Глеб // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 44—60; Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015—1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. — Прим. ред.)

Задача данной работы заключается в том, чтобы предложить логичную интерпретацию загадочной фразы «недоумъюще, яко же бѣ лепо пречьстынѣ» в «Сказании о Борисе и Глебе», которая появляется при описании отношения людей к телу убитого Глеба.

К исследованию привлечены, главным образом, следующие тексты:

- 1) Лаврентьевская летопись: «О убиении Бориса» (далее — «Летопись»);²
- 2) Сказание о Борисе и Глебе (далее — «Сказание»);³
- 3) Сказание чудес Романа и Давида (далее — «Сказание чудес»);⁴
- 4) Чтение о Борисе и Глебе (далее — «Чтение»);⁵

«Сказание» и «Сказание чудес» были включены в одну и ту же рукопись (Успенский сборник XII—XIII вв.) и размещены подряд, одно за другим. «Сказание» описывает события убийства, а «Сказание чудес» — чудеса после похорон. «Чтение» разделяется на две части. Первая половина излагает события убийства и их интерпретацию, а вторая половина — посмертные чудеса. В «Летописи» описание чудес отсутствует. Автор статьи считает, что все названные произведения последовательно излагают почти один и тот же ход событий и передают почти одно и то же содержание чудес.

Загадочная фраза «недоумъюще, яко же бѣ лепо пречьстынѣ» в «Сказании о Борисе и Глебе» появляется в заключительной части произведения, после убийства Глеба, при описании обнаружения оставленного тела и похорон его в Васильевской церкви: «И обретоша и иде же бѣша видѣли, и шьдѣше съ кръсты и съ свѣщами мнѣозѣми и съ кандилы, и съ чьстїю многою, и вьложьше въ корабль, и пришедѣше положиша и Вышгородѣ, иде же лежить и тѣло преблаженаго Бориса, и раскопавьше землю, и тако же положиша, и недоумъюще, яко же бѣ лепо пречьстынѣ».

Понимание смысла описываемых событий в значительной степени зависит от интерпретации слова «недоумъюще». В словарях приводятся следующие значения глагола «недоумѣти»: «не постигать», «не понимать» (чего-л.); «не знать» (как поступить, как выполнить, сделать что-л.), «не уметь»; «не иметь»; «быть не в состоянии» (постигнуть, что-л. сделать); «быть в затруднении, сомнении, нерешительности», «колебаться», «быть в состоянии недоумения».⁶ В современном русском языке глагол «недоумевать» также имеет значение «находиться в недоумении», «испытывать недоумение».⁷ «Недоумение», в свою

² ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. Стб. 132—142; *Sciacca F. A.* The History of the Cult of Boris and Gleb (PhD diss.). Columbia University, 1985. P. 104—113.

³ Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 42—58; Сказание о Борисе и Глебе // ПЛДР. [Вып. 1]: XI — начало XII века. С. 278—303; Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985. Т. 2: Научно-справочный аппарат издания. С. 25—63; *Sciacca F. A.* The History of the Cult of Boris and Gleb. P. 3—34; Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 328—251; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 386—316.

⁴ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 318—345; Успенский сборник XII—XIII вв. С. 58—71; Сказание о Борисе и Глебе: Факсим. воспр. Т. 2. С. 63—89; *Sciacca F. A.* The History of the Cult of Boris and Gleb. P. 34—58.

⁵ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 356—402; *Sciacca F. A.* The History of the Cult of Boris and Gleb. P. 59—103.

⁶ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 377; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 103; Словарь древнерусского языка: (XI—XIV вв.). М., 2002. Т. 5. С. 261—262.

⁷ Словарь современного литературного русского языка. М.; Л., 1958. Т. 7. С. 851; Большой академический словарь русского языка. СПб., 2008. Т. 11. С. 628.

очередь, имеет значение 'сомнение, колебание, состояние нерешимости вследствие непонимания чего-л., неясности'.⁸

Учитывая эти сведения словарей, рассмотрим переводы интересующего нас фрагмента. Сначала возьмем перевод Л. А. Дмитриева: «И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом». Л. А. Дмитриев трижды опубликовал перевод данной фразы вышеупомянутым образом,⁹ и этот же перевод повторила Н. И. Милютенко.¹⁰ В переводе Л. А. Дмитриева отрицательный оттенок слова «недоумѣюще» проигнорирован и заменен противоположной интерпретацией «с подобающим почетом». Следует сказать, что это слишком вольный перевод.

Посмотрим перевод Ф. Скиакки на английский язык: «And they found him where the apparition [had been seen]. And they set out with crosses and with many candles and censers. In great solemnity [his body] was placed in a boat, and they returned and buried him in Višgorod, where the body of the most blessed Boris was also interred. They dug a grave in the earth and buried him there as well, comprehending not how it would be more honorable to do so». У Ф. Скиакки слово «недоумѣюще» переведено как «comprehending not». Здесь отражен отрицательный оттенок слова «недоумѣюще», но тем не менее также существует неясность в его интерпретации.

Последнее предложение переводится на русский язык так: «Они раскопали землю, сотворили могилу и там похоронили его, не понимая, что должно сделать, чтобы стало более славно», словно был некий способ более славного погребения Глеба, чем раскопать землю и похоронить в ней тело (например, положить его в саркофаг или каменный гроб, украсить драгоценными камнями и т. д.).

Автору кажется, что вышеупомянутая интерпретация не слишком правдоподобна. Возможно ли было похоронить Глеба «более славно»? Такая интерпретация приемлема, только если понимать слово «пречѣстьнѣ» как сравнительную степень, но на самом деле сравнительная степень прилагательного «пречѣстьнѣ» должна быть иной — «пречѣстьнѣи».

Таким образом, трудно признать переводы Л. А. Дмитриева и Ф. Скиакки правильными. Мы должны пересмотреть их в связи с общей картиной убийства и канонизации Бориса и Глеба. Сравнение сюжетов «Летописи», «Сказания» и «Чтения», определение общего и различающегося в описании событий, связанных с убийством Бориса и Глеба, помогут понять, какое место занимает погребение Глеба в повествовании источников.

Выделим общие для «Летописи», «Сказания» и «Чтения» повествовательные элементы и сгруппируем их под буквой [А].

[А]1. После смерти Владимира Святополк занимает киевское княжение.

[А]2. Борис не использовал войско, которое Владимир дал ему перед своей смертью для обороны от врагов.

[А]3. Борис был убит посланными от Святополка убийцами.

⁸ Словарь современного литературного русского языка. Т. 7. С. 851—852; Большой академический словарь русского языка. Т. 11. С. 629.

⁹ ПЛДР. [Вып. 1]. С. 299; Сказание о Борисе и Глебе: Факсим. воспр. Т. 2. С. 57; БЛДР. Т. 1. С. 347.

¹⁰ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 309.

[А]4. Борис предчувствовал свою гибель и молился о том, чтобы избежать смерти.

[А]5. Перед гибелью Борис принял свою жестокую судьбу, сравнивая ее с распятием Иисуса Христа.

[А]6. Молодой дружинник защищал Бориса и был убит.

[А]7. Дата гибели Бориса — 24 июля 1015 г.

[А]8. Тело Бориса перенесли в Вышгород и похоронили в Васильевской церкви.

[А]9. Святополк послал убийц к Глебу.

[А]10. Глеб был убит в ладье посланными Святополком убийцами.

[А]11. Глеб был убит руками своего повара по повелению убийц.

[А]12. Дата убийства Глеба — 5 сентября 1015 г.

[А]13. Тело Глеба было брошено между двумя колодами на берегу реки («Летопись»), в пустынном месте («Сказание»), под колодой в пустыне («Чтение»).

[А]14. Убийство Бориса и Глеба Святополком сравнивается с убийством Авеля Каином (встречается много раз и в «Летописи», и в «Сказании», и в «Чтении»).

Эти 14 пунктов являются ядром развития событий. Отметим, что «Летопись» и «Сказание» в большей степени похожи друг на друга, а «Чтение» по литературному характеру отличается от двух других произведений. Сгруппируем под буквой [В] общие для «Летописи» и «Сказания» элементы, которые отсутствуют в «Чтении».

[В]1. Враги, которым Борис противостоял при помощи войска Владимира, были печенегами (до [А]1).

[В]2. Владимир умер в Берестове. Святополк утаил его смерть, ночью разобрал помост в Берестове, завернул тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви Пресвятой Богородицы (до [А]1).

[В]3. Святополк вел интригу против Бориса с горожанами Вышгорода, в том числе с Путьшей (вместе с [А]1).

[В]4. Когда Святополк занял киевское княжение, он послал киевлянам подарки и пытался снискать их расположение (вместе с [А]1).

[В]5. Защищавший Бориса и убитый дружинник был венгром Георгием. Борис в свое время наградил его золотой гривной. Георгий надел эту гривну на шею. Убийцы хотели ее снять и отрубили ему голову (между [А]7 и [А]8).

[В]6. Бориса положили на телегу и повезли, но по дороге в Вышгород он начал приподнимать голову. Святополк послал двух варягов, которые нанесли последний удар и пронзили Бориса мечом в сердце (между [А]8 и [А]9).

[В]7. Горожанами Вышгорода, которые принимали участие в убийстве Бориса, были Путьша, Тарец, Елович и Ляшко. Они вернулись в Киев к Святополку и сообщили об убийстве Бориса (между [А]8 и [А]9).

[В]8. Святополк солгал, что Владимир тяжело болен, и вызвал Глеба (между [А]8 и [А]9).

[В]9. Когда Глеб пришел на Волгу, под ним оступился конь и повредил ногу. Когда он приблизился к Смоленску, он отошел недалеко от города и стал в ладье на Смядыни (между [А]8 и [А]9).

[В]10. В это время пришла весть от Предиславы, сестры Ярослава по матери, к Ярославу в Новгород о смерти отца. Ярослав предупредил Глеба об интриге Святополка.

[В]11. Глеб не убежал и скорбел о смерти отца. Посланные Святополком убийцы настигли ладью Глеба.

[В]12. Главой убийц был Горясел. По повелению Горясела повар Глеба по имени Торчин ножом убил Глеба (вместе с [А]11).

Далее рассмотрим те элементы повествования, которые встречаются только в «Сказании». Эти яркие детали, которые содержат более подробную информацию о святых братьях, сгруппируем под буквой [С].

[С]1. Эпизоды в связи с рождением Святополка. Святополк на самом деле был сыном убитого Владимиром старшего брата Ярополка. После убийства Ярополка Владимир взял в жены беременную Святополком вдову Ярополка. Эти эпизоды сближают повествование об убийстве Бориса и Глеба с повествованием об убийстве Авеля Каином (до [А]1).

[С]2. Когда Борис оставил мысль о противодействии, его мысли переданы прямой речью: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственной волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!» Здесь автор «Сказания» явно сближает образ Бориса с образом Христа (вместе с [А]4).

[С]3. Мысли Святополка, который убил Бориса и готовился убить Глеба, передаются прямой речью: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстергши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души...» (между [А]8 и [А]9).

[С]4. Сцена убийства Глеба, которая отсутствует в «Летописи», в «Сказании» живо изображается при помощи прямой речи. Глеб умоляет не убивать его: «...пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, молоком беззлобия налитого, не пожинайте колоса, еще не созревшего! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость...» (вместе с [А]10).

Изложение в «Сказании» более эмоционально и выразительно, чем изложение в «Летописи». «Чтение» по сравнению с «Летописью» и «Сказанием» в большей степени относится к жанру проповеди: здесь активнее цитируются эпизоды из Библии, более строго соблюдаются стилистические требования, при этом отсутствует литературная динамичность, но структура повествования сохранена. Детали, которые появляются только в «Чтении», мы сгруппируем под буквой [D].

[D]1. Когда Святополк занял киевское княжение, Глеб хотел бежать в северную страну к старшему брату, но не сказано конкретно, в какую и кем был старший брат. Исследователи считают, что этим братом был Ярослав¹¹ (вместе с [А]1).

[D]2. Число воинов, которых Владимир дал Борису, было восемь тысяч (вместе с [А]2).

Мы приходим к заключению, что вышеупомянутые (с [А] по [D]) повествовательные элементы не противоречат, а скорее дополняют друг друга и складываются в единый комплекс последовательного описания событий. Ряд

¹¹ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 401.

фактов, показанных в [А], отражает ядро развития сюжета, и сюда прибавляются детали, показанные с [В] по [D], в результате чего создается целостный образ развития действия. Драматизация, привнесенная повествовательными элементами «Сказания» [С], совершенно не искажает общую картину.

В «Сказании» и «Чтении» после [А] продолжается рассказ об обнаружении брошенного тела Глеба. Далее мы перечислим общие для «Сказания» и «Чтения» повествовательные элементы и соберем их в группу под буквой [Е].

[Е]1. Тело Глеба было оставлено на месте убийства, но осталось невредимым и не подверженным тлению.

[Е]2. Вокруг тела происходило много удивительного. В «Сказании» написано, что «проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение».

[Е]3. В «Сказании» излагается борьба между Ярославом и Святополком и победа Ярослава. Эта часть «Сказания» соответствует описанию 1019 г. в Лаврентьевской летописи. В «Чтении» соответствующей части нет.

[Е]4. Ярослав начал искать тела Бориса и Глеба, но особенно трудно оказалось найти тело Глеба, потому что лишь очень немногие знали, где он был убит. Согласно «Чтению», охотники нашли тело святого и сообщили старейшине города. Старейшина, пойдя с отроками, увидел тело святого, сияющее как молния, а согласно «Сказанию», Ярослав услышал, что около Смоленска люди «видели свет и свечи в пустынном месте», и решил, что там находилось тело Глеба.

[Е]5. Посланные священники нашли тело Глеба там, где были видения. В «Сказании» люди, придя туда с крестами, свечами и кадилами, торжественно положили тело Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежало тело Бориса. Интересующая нас фраза («и раскопавше землю, и тако же положиша, и недоумъюще, яко же бѣ лепо пречьстѣнѣ») появляется именно здесь.

[Е]6. В «Сказании» после этого помещена похвала чуду нетления тела Глеба.

Далее мы рассмотрим эпизоды [А]13 и [Е]5 в связи с тем, как люди поступили с телом убитого Глеба. Действительно ли было брошено тело Глеба, как утверждает описание [А]13? Ведь Глеб был человеком высочайшего ранга, и трудно считать бросание его тела естественным даже после безнравственного убийства. Действительно, также убитый Борис был похоронен в Васильевской церкви.

Посмотрим, как «Летопись», «Сказание» и «Чтение» относятся к телу Глеба. В «Летописи»: «Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодами. Посемъ же вземше, везоша и положиша и у брата своего Бориса у церкви святого Василья».¹² Д. С. Лихачев перевел «повержено» как «брошено»,¹³ а О. В. Творогов — как «положено»¹⁴. В переводе на английский язык Ф. Скиаккой использовано выражение «was left behind on the shore» (было оставлено на берегу).¹⁵

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 137.

¹³ ПЛДР. [Вып. 1]. С. 153 («Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия»).

¹⁴ БЛДР. Т. 1. С. 181 («Итак, Глеб был убит и положен на берегу между двумя колодами. Затем же, взяв его, увезли и положили рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия»).

¹⁵ Sciacca F. The History of the Cult of Boris and Gleb. P. 110 («Now after Gleb had been murdered, [his body] was left behind on the shore between two logs [i.e. in a hollowed log-coffin]. But afterwards they took him, carried him [away] and buried him near his brother Boris by the Church of Saint Basil»).

В «Сказании» читается следующий текст: «Убиену же Глѣбови и повържену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма колодама. И Господь не оставяяи своихъ рабѣ, яко же рече Давыдъ: „Хранитъ Господь вѣся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ съкрушится“. И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти неврежену, нъ показа...»¹⁶ В Комментарий говорится, что «здесь либо имеется в виду колода — ствол упавшего дерева, либо колода — гроб, выдолбленный из двух половин цельного ствола дерева».¹⁷

Более краткое изложение обнаруживается в «Чтении»: «Оканьныи же тии изнесоша тѣло святаго, повергоша в пустыни подь кладою».¹⁸

Здесь следует рассмотреть два вопроса. Первый заключается в том, было ли действительно «брошено» тело Глеба, а второй — что такое «колода».

Рассмотрим первый вопрос. В древнерусских текстах «Летописи», «Сказания» и «Чтения» употреблены формы глагола «повърщи» «повержену», «повържену», «повергоша», и они переведены, соответственно, как «брошен» («бросили его», «бросили») и «left behind» («abandon»). Согласно словарям, действительно, первое значение глагола «повърщи» — ‘бросить’, ‘кинуть’.¹⁹

Но возможно ли, чтобы оказалось «брошено» тело человека такого высокого ранга, как Глеб? Этот вопрос, как кажется, ставил в тупик некоторых исследователей, в том числе Е. Голубинского, который на основе летописного описания приводит обширное примечание: «О теле Глеба говорится, что оно повержено было „на пустѣ мѣстѣ, на брезѣ, межю двѣма колодама“ (...) значит: не в городе Смоленске, близ которого произошло убийство, а на его поле, на том самом пустом месте, где совершено убийство, на берегу Днепра (вниз от Смоленска по реке или в 5-ти верстах (...)) „яко зрѣмо“ от города, по словам летописи, т. е. так, что видно из него место...».²⁰

Исследователь уточнил, что место, где было брошено тело Глеба, находилось «на берегу Днепра» «на пустом месте», но не так далеко («яко зрѣмо», что обозначает «в виду», «недалеко»²¹) от города Смоленска. Далее Е. Голу-

¹⁶ ПЛДР. [Вып. 1]. С. 294; БЛДР. Т. 1. С. 344; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 304. В переводе на современный русский язык О. В. Творогова, повторенном Н. И. Милотенко: «Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — „хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится“. И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал...» (ПЛДР. [Вып. 1]. С. 295; Сказание о Борисе и Глебе. С. 50; БЛДР. Т. 1. С. 345; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 305). Перевод на английский язык Ф. Скиакки: «Now after Gleb had been murdered, [his body] was left behind in a desolate place between two logs [i.e. in hollowed log-coffin]. But the Lord does not forsake His servants, for as David said, „The Lord will preserve all their bones and not one of them will be destroyed“. And in this wise the saint lay for a long time, not forsaken, unknown or neglected, but preserved, unharmed in every way — indeed signs bore witness [to the presence of the grave]» (*Sciacca F. The History of the Cult of Boris and Gleb*. P. 22).

¹⁷ ПЛДР. [Вып. 1]. С. 455; БЛДР. Т. 1. С. 530.

¹⁸ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 376. Перевод на современный русский язык О. В. Творогова: «Окаянные же вынесли тело святого и бросили в пустынном месте под колодой»; перевод на английский язык Ф. Скиакки: «Then those accursed men carried away the body of the saint and abandoned it in a desolate place under a hollowed-out log» (*Sciacca F. The History of the Cult of Boris and Gleb*. P. 79).

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1004—1005 («Повърщи»); Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 174—175; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2000. Т. 6. С. 474.

²⁰ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 44.

²¹ «Зрѣмо (=зрѣимо)» обозначает «пространство, доступное взгляду» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1012—1013).

бинский, не скрывая своего недоумения, замечает: «„Межи двѣма колодама“ многие, если не большая часть, понимают так, что тело не было погребено в земле, а оставлено лежать и валяться поверх земли между двумя колодами. Но понимать дело так представляется до крайности невероятным и просто невозможным. Если бы не погребли тела убийцы князя, то как не захотела бы сделать этого бывшая его свита, как жители Смоленска оставили бы лежать на своем поле мертвому непогребенному телу, и при том телу князя?»²² Е. Голубинский предлагает следующее решение вопроса: «По всей вероятности, „межи двѣма колодама“ должно понимать так, что тело погребено было не с подобающею честию (где-либо при церкви) в княжеском каменном гробе, а с бесчестием (на поле) в простолудинском деревянном гробе, состоявшем из двух колод, каковы были деревянные гробы в древнее время (и каковыми и до настоящего времени остаются они у раскольников, см. ниже, на конце этой части списка святых, о проявлении мощей Иакова Боровичского)».²³

Таким образом, у Е. Голубинского получилось в некоторой степени правдоподобное объяснение, но сомнения и колебания автора на этом не закончились. Далее он пишет: «Если говорится, что тело осталось невредимым от зверей, то тут разумеется, что погребенное не в жилом месте, а на поле, и закопанное в землю очень мелко, как закапывались тела в древнее время, оно могло бы легко быть открыто зверями и по сдвинутии верхней колоды с нижней быть ими пожраным. Если говорится, что тело было „повержено“, то последнее выражение нужно понимать в том смысле, что тело с бесчестием брошено было убийцами».²⁴ Е. Голубинский в конце концов не смог прийти к окончательному заключению о характере погребения Глеба.

Теперь обратимся ко второму вопросу. Указывает ли слово «колода» на «деревянный гроб, состоящий из двух колод», как полагает Е. Голубинский? И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» указывает так: «Колода: (см. клада)»²⁵; «Клада: 1. Бревно, truncus. 2. Колода — выдолбленный пень дерева, употреблявшийся для хоронения мертвых. (...) (колоды употреблялись вм(есто) гробов даже и при Петре I: он запретил особым указом для сбережения леса)».²⁶

Авторы «Словаря русского языка XI—XVII вв.» приводят более поздние примеры словоупотребления: «Колода: 1. Толстый, лежащий ствол дерева, тяжелый обрубок дерева. (...) б. Гроб, выдолбленный из ствола одного дерева. (1441): Положиша его въ колоду, и осмоливше съ польстми, повезоша его на Москву на носилѣхъ. Воскр. Лет. VIII, 111. Положиша его въ колоду. Кн. Степ., 490. XVI—XVII вв. ∞ 1560 гт.»²⁷ В Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.) цитируется пример, скорее всего восходящий к одному из вариантов «Сказания о Борисе и Глебе»: «Колода: 1. Бревно. 2. Бревно с выдолбленной серединой, употреблявшееся для захоронения, гроб: а) межи двѣма колодама съкровень. Стих. 1156—1163, 100 об. (...) б) Скончася блаженный Глѣбъ (...) и положиша ѱ в дубравѣ межи двѣма колодама. Пр 1383, 123г.»²⁸

²² Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. С. 44.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 1. Стб. 1255 («колода»).

²⁶ Там же. Стб. 1211—1212 («клада»).

²⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 244—245 («колода»).

²⁸ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2002. Т. 4. С. 242 («колода»).

Цитата *а)* переведена так: «...скрыт между двумя колодами». Цитата *б)* переведена так: «Блаженный Глеб скончался (...) и положили его в дубе между двумя колодами». Имея в виду такую точку зрения, Ф. Скиакка и Л. А. Дмитриев в переводах «Летописи» и «Сказания» предлагают понимать «колоду» как деревянный гроб. О. В. Творогов в «Летописи» перевел так: «Глеб (...) положен на берегу между двумя колодами», т. е. употребляет слово «положен» вместо слова «брошен».

После того как И. И. Срезневский предложил придать слову «колода» значение «деревянный гроб», эта мысль стала общепринятой. В. И. Даль также поддерживает мнение о том, что «колода» обозначает «деревянный гроб». В его «Толковом словаре живого великорусского языка» «колода» толкуется как «лежачее толстое дерево, бревно, (...) долбленный гроб, домовинка из цельного отруба, любимая, по старым обычаям, раскольниками».²⁹

Но здесь возникает вопрос, не противоречит ли это мнение тому, что и в «Летописи», и в «Сказании», и в «Чтении» написано, что тело Глеба было брошено («повержену», «повържену», «повергоша»)? Ключ к разрешению этой проблемы заключается в комментариях И. И. Срезневского и В. И. Даля. Видимо, И. И. Срезневский задумывался над тем, как люди поступили с телом Глеба. Давая слову «колода» значение «выдолбленный пень дерева, употреблявшийся для захоронения мертвых», он добавил следующий комментарий: «колоды употреблялись вм(есто) гробов даже и при Петре I: он запретил особым указом для сбережения леса».

Широко известно, что при Петре I Российское государство стремилось к экстремному налогообложению и введению монополий. В. О. Ключевский отмечал: «К прежним казенным монополиям — смоле, поташу, ревеню, клею и т. п. прибавились новые — соль, табак, мел, деготь, рыбий жир и (...) дубовый гроб: в 1705 г. эта *последняя роскошь древнерусского зажиточного человека* (курсив мой. — К. М.) была отобрана у продавцов в казну, которая продавала ее вчетверо дороже, а потом, когда отобранный товар был продан, такие гробы были совсем запрещены».³⁰ С. М. Соловьев объяснил это историческое явление с другой точки зрения: «Заведение флота заставило обратить внимание на леса: те из них, которые доставляли хороший материал для кораблестроения, правительством объявлено *заповедными*: (...) брали деньги везде, где только можно было взять, брали дубовые гробы из лавок и продавали вчетверо...»³¹ И. И. Срезневский сослался на этот факт, а В. О. Ключевский отметил, что выдолбленный из одного толстого ствола гроб был «последней роскошью древнерусского зажиточного человека». В. И. Даль тоже оставил свидетельство о том, что благочестивые старообрядцы любили употреблять этот «предмет роскоши» для уважения покойников («любимая, по старым обычаям, раскольниками»). Этот «предмет роскоши» не соответствует ситуации, в которой оказалось брошенное и лишенное достойного погребения тело Глеба. В таком случае мысль Е. Голубинского о том, что деревянные гробы были скромными и бесчестными, является ошибочной: наоборот, такой гроб являлся «предметом роскоши», и неестественно, чтобы он оказался наготове в пустом месте, где было брошено тело убитого Глеба. Следовательно, требует корректировки

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1905. Т. 2. Стб. 350—352 («колода»).

³⁰ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4: Курс русской истории, ч. 4. С. 123.

³¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 15, кн. 8. С. 317—318.

представление, которое восходит к И. И. Срезневскому, что две колоды обозначают деревянный гроб.

Обращение к изображениям Глеба в древнерусских миниатюрах подтверждает, что отождествление двух колод и деревянного гроба ошибочно. Посмотрим сначала миниатюру на л. 77 об. Радзивилловской летописи (далее — Радз.) конца XV в. (изображения восходят к более раннему оригиналу). Это изображение соответствует эпизоду [А]13. Тело Глеба находится между двумя бревнами с ветвями (см. *ил. 1*). Очевидно, что это именно бревна, а не гроб. В центре картины в глубине изображены две «горящие свечи», которые совпадают с деталью [Е]2. [Е] являются общими «Сказанию» и «Чтению» элементами и не появляются в «Летописи», но [Е]2 в Радз. фигурирует.

Ил. 1. Миниатюра из Радзивилловской летописи. л. 77 об.

Далее обратим внимание на миниатюру Сильвестровского сборника XIV века (далее — Сильв.).³² Рукопись представляет собой сборник из 12 произведений различных жанров, включая «Чтение», «Сказание» и «Сказание чудес». На л. 135 находится изображение, соответствующее эпизоду [А]13, и здесь также обнаруживается тело Глеба, помещенное между двумя бревнами с ветвями. Над ним изображены семь вооруженных воинов, несущих перевернутую ладью, и надпись: «Святого Глѣба положиша в лѣсь межю двѣма кладама под насадомъ» (см. *ил. 2*).

В тексте в основной части произведения написано «повержену», а в надписи этот глагол замещается словом «положиша». Еще в надписи прибавляются детали «в лѣсь» и «под насадомъ». Деталь «положиша в лѣсь» похожа на пример б) статьи «колода» из «Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)» («положиша и в дубравѣ межю двѣма колодама»), в котором чувствуется сомнение в том, было ли тело Глеба брошено. Деталь «под насадомъ», похожая на фразу «подъ кладаю» в «Чтении», фигурирует только в этой надписи. Несмотря на то что в Радз. тело Глеба одето обычным образом, в изображении Сильв. оно обмотано погребальными повязками.

Между миниатюрами Радз. и Сильв. обнаруживается очевидное совпадение. Изображены две колоды, между которыми находится тело Глеба, и это не створки гроба, а бревна с ветвями. В обоих иллюстрируемых текстах

³² Сказание о Борисе и Глебе: Факсим. воспр. Т. 1. Л. 135.

Ил. 2. Миниатюра из Сильвестровского сборника. Л. 135

употреблено слово «повержен», то есть «брошен». Вероятно, уже в ранний период сложился образец текста и изображения, в котором тело Глеба было «брошено» без захоронения, но в процессе развития почитания святых братьев сама идея оставления тела убитого князя в небрежении в пустом месте стала вызывать сомнения, в результате чего появились колебания: слово «повержен» замещено словом «положен».

Добавим еще один важный факт в связи с изображениями Глеба: он всегда изображен без бороды,³³ и это значит, что он был убит до возраста, когда борода начинает расти. Такую реальность отражает и фраза «Сказания»: «Не пожьнете мене отъ жития не съзьрѣла, не пожьнете класа, не уже съзьрѣвъша, нъ млеко безълобья носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрастьша, а плодь имуща!»³⁴

Итак, тело юного Глеба, которого можно назвать почти ребенком, было повержено, брошено между двумя «колодами» в пустом месте, причем «колоды» — это не гроб, а бревна, стволы деревьев.

Ключ для понимания этих обстоятельств нам дают этнографические сведения. Д. К. Зеленин сообщает о существовании особой категории покойников, лишенных обычного погребения: «Без могилы в XX, как и в XIX в., хоронят лишь таких покойников, которые считаются нечистыми и опасными для живых. В основном это люди, умершие насильственной смертью, особенно самоубийцы, а также все, кто умер молодым, раньше срока, предназначенного при рождении. Северорусские называют таких покойников *заложенные*, т. е. заложенные; это название связано с погребением, при котором покойника не закапывают, а оставляют на земле, прикрыв сучьями». Глеб явно может быть отнесен к «умершим насильственной смертью», и тем, кто «умер молодым, раньше

³³ Например, на известных иконах из собраний Третьяковской галереи и Русского музея. Кроме того, Н. И. Милютенко упоминает еще несколько изображений Глеба (каменная икона XIV в. из Рязанского музея; каменная икона из Тмутаракани XI в., хранящаяся в ГИМ; «Святые Борис и Глеб с житием» XIV в. Московской школы из ГТГ; серебряная подвеска с изображением Глеба конца XII — нач. XIII в. из Рязанского музея; колт с изображением св. Глеба нач. XIII в. из Государственной Оружейной палаты и др. См.: Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 17, 29, 41, 53, 81). Г. В. Маркелов в своей книге приводит 13 примеров изображения Глеба, и на всех этих изображениях у Глеба также нет бороды (Маркелов Г. В. Святые древней Руси: Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 1. С. 152—177, 206—207).

³⁴ БЛДР. Т. 1. С. 340—341, ср.: Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 300—303.

срока, предназначенного при рождении». Д. К. Зеленин объясняет причину, почему применяется такой способ погребения: «Очень древний и, несомненно, языческий обычай восточных славян требовал не закапывать заложных покойников в землю. Вероятно, при этом стремились избежать осквернения земли нечистым трупом (...) мы обнаруживаем здесь идею гнева земли, оскорбленной тем, что в ней оказался нечистый труп. Этот „гнев земли“ находит выражение в самых разных формах. Прежде всего, разгневанная мать-земля не принимает нечистый труп. Такой покойник всегда возвращается обратно на землю, сколько бы раз его ни хоронили; при этом захороненный труп не подвергается тлению, и благодаря этому покойник может выходить по ночам из могилы».³⁵

Заложных покойников, как и убитого Глеба, нельзя было хоронить, чтобы избежать гнева матери-земли, которая боится быть оскверненной из-за погребения нечистых трупов. Д. К. Зеленин считает, что такой обычай был распространен гораздо раньше, чем в XIX в., о чем свидетельствуют литературные памятники Древней Руси: «Это последнее воззрение, распространенное и поныне, отражено в проповедях епископа Серапиона Владимирского (ум. в 1274 г.); мы находим ее также в сочинениях Максима Грека (...) Поэтому и в древние времена восточные славяне не хоронили заложных покойников в могилах, а оставляли их в глухих местах, чаще всего в оврагах и болотах. Очевидно, чтобы уберечь трупы от диких животных, их прикрывают ветками, жердями и т. д.».³⁶

Необходимость уберечь заложных покойников от диких животных приводит к тому, что их «прикрывали ветками, жердями и т. д.», что совпадает с описанием погребения Глеба: его тело брошено «между двумя колодами» (в «Летописи» и «Сказании») или «под колодом» (в «Чтении»). Мы приходим к предположению, что тело Глеба нельзя было хоронить из-за того, что оно считалось оскверненным насилем.

Странные рассказы о нескольких чудесах, находящиеся в «Сказании чудес» и во второй половине «Чтения», свидетельствуют, что опасение того, что убитый в молодости Глеб может принести несчастья живым людям, было небезосновательным. Несмотря на то что некоторые посмертные чудеса вполне обычны для агиографического жанра (например, хромые стали ходить, слепые прозрели, немые заговорили, невинные заключенные получили освобождение, и благоухание исходило от мощей), другие привлекают к себе внимание странными и необычными обстоятельствами. Перечислим такие эпизоды и соберем их в группу под буквой [F].

[F]1. Однажды варяги пришли к тому месту, где лежали в земле святые. И когда один из них вступил на это место, из могилы вырвался огонь и опалил его ноги. Люди перестали близко подходить к могиле святых, поклоняясь ей с трепетом («Сказание чудес», «Чтение»)³⁷.

³⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 352. См. также: Зеленин Д. К. 1) К вопросу о русалках: (Кульг покойников, умерших неестественною смертию, у русских и у финнов) // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре, 1901—1913. М., 1994. С. 230—298; 2) Избранные труды: Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертию и русалки. М., 1995; Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 201—215; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 195—215; Левкиевская Е. Е. 1) Мертвых культ // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 227—231; 2) Покойник «заложный» // Там же. М., 2009. Т. 4. С. 118—124; 3) Предки // Там же. Т. 4. С. 249—252.

³⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 353.

³⁷ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 320—321, 378—381.

[F]2. Через несколько дней после этого загорелась церковь св. Василия, около которой лежали святые; люди стекались на это зрелище («Сказание чудес», «Чтение»³⁸).

[F]3. Когда в 1072 г. повезли раку с Глебом в церковь, митрополит Георгий взял руку святого Глеба и начал благословлять ею князей Изяслава и Всеволода. Тогда Святослав, взяв руку, приложил ее к нарыву на шее, к своим глазам и к темени. После этого положили руку в гроб. Святослав сказал Берну: «Что-то мне голову колет». И снял Берн шапку с князя, и увидел ноготь святого Глеба. Согласно Лавр., Святослав умер 27 декабря 1076 года на 50-м году жизни от «резания желве» (отрезания опухоли) («Сказание чудес», «Чтение»³⁹).

[F]4. Святослав Ярославич замыслил воздвигнуть каменную церковь святым. И когда возвели ее в вышину на пятьдесят локтей, он умер. Получивший власть над всей землей Всеволод довел ее строительство до конца, но когда церковь была окончена, сразу в ту же ночь обвалился ее верх и вся она обрушилась. Потом и Всеволод преставился («Сказание чудес»⁴⁰ «Чтение» об этом молчит.

Эпизоды группы [F] производят сильное впечатление, хотя их количество невелико. В эпизоде [F]3 ноготь Глеба воткнулся в голову Святослава, и Святослав вскоре после этого умер из-за опухоли, о чем умолчали авторы «Сказания чудес» и «Чтения». В эпизоде [F]4 Святослав замыслил построить церковь в честь Бориса и Глеба, но умер, как будто этот замысел был недостаточно хорош, и церковь рухнула сразу после того, как закончилась постройка. Об этом умалчивает «Чтение», словно его автор Нестор хотел скрыть этот неудобный факт. Что касается эпизода [F]2, в «Чтении» Нестор объясняет причину пожара тем, что «пономарь той церкви после утреннего пения вселукавым сатаной омрачен был сном и, не осмотрев тщательно церковь, поспешно ушел домой, а свечи, горящие на высоком месте, забыл». Автор настаивал, что «все это произошло Божьим Промыслом»,⁴¹ словно он хотел отрицать суждения насчет опасных покойников.

Эпизоды необычного характера из рассказов о чудесах свидетельствуют о том, что Глеб мог страшить современников как молодой, умерший насильственной смертью и приносящий живым беды покойник. С учетом упомянутых примеров предлагается новая интерпретация фразы «Недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречъстьнѣ».

В эпизодах от [E]1 до [E]4 в «Сказании» говорится, что тело Глеба было оставлено в пустом поле. После того как Ярослав победил Святополка, он начал искать тело Глеба. Около тела происходило много чудесного. Мимоходящие люди видели свет и свечи в пустынном месте. Ярослав слышал об этом и повелел искать тело Глеба там, «и обретоша и иде же бѣша видѣли, и шьдѣше съ кръсты и съ свѣщами мьнозѣми и съ кандилы, и съ чьстию многою, и вьложьше въ корабль, и пришедѣше положиша и Вышгородѣ, иде же лежить и тѣло преблаженааго Бориса и раскопавъше землю, и тако же положиша, и недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречъстьнѣ». Автор статьи предлагает переводить этот фрагмент следующим образом: «И нашли его там, где были видения, и, придя туда с крестами, и со свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса. Раскопав землю,

³⁸ Там же. С. 320—321, 380—381.

³⁹ Там же. С. 326—327, 390—391; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199.

⁴⁰ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 332—333.

⁴¹ Там же. С. 380—381.

они положили туда тело Глеба, но недоумевали (беспокоились, испытывали сомнение) о том, было ли тело Глеба достаточно очищено».

Данная фраза получает интерпретацию в следующей части: «Се же пречюдно бысть и дивно и память достойно; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежно пребысть, ни отъ коегоже плѣтоядца, ни бѣаше почърнѣло, яко же обычай имуть телеса мъртвыхъ, нъ свѣтло и красьно и цѣло и благу воню имущю. Тако Богу съхранившю своего страсотърпца тѣло». Эта фраза может быть переведена так: «Но вот произошло чудесное, дивное и памяти достойное: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страсотерпца».

Анализ позволяет увидеть здесь один из аспектов синкретизма христианства и язычества в Древней Руси, точнее, столкновение языческой и христианской точек зрения. После упоминания реакции языческой стороны («недоумѣюще») здесь провозглашается победа христианства. Автор «Сказания» до конца данной фразы («недоумѣюще, яко же бѣ лепо пречьстнѢ») ведет повествование, в основном употребляя глаголы в форме аориста. После того как представление фактов и ознакомление с развитием событий закончились, манера повествования меняется. Автор ретроспективно оглядывается на представленные факты и дает им оценку в христианском ключе, показывая, как «Бог сохранил тело своего страсотерпца». Поскольку существовали люди, считавшие тело Глеба оскверненным, поскольку существовали сомнения таких людей по отношению к телу Глеба, постольку автору «Сказания» понадобилось развеять такие сомнения, четко отвергнуть их и подчеркнуть Божий Промысл.

Начало истории братоубийства Бориса и Глеба было следствием страстей и грехов Владимира Святославича. Можно сказать, что даже преступник Святополк в конечном счете был пострадавшим от грешной страсти Владимира. В эпизоде [А]14 убийство Бориса и Глеба Святополком сравнивается с убийством Авеля Каином. Это уподобление повторяется много раз, разными способами и в «Летописи», и в «Сказании», и в «Чтении». Особенно в «Сказании» ясно указано на истоки истории убийства Бориса и Глеба: «Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев».⁴²

Беспорядочность браков Владимира была возможна только в языческую эпоху. Здесь тоже сталкиваются старая и новая религии, в результате чего появилась тема преодоления язычества христианством. Как и в ветхозаветных эпизодах, где нарушение Божьей заповеди Адамом и Евой связывается с убийством Авеля его братом Каином, теперь на Руси также страсть Владимира Святославича связывается с убийством Бориса и Глеба их братом Святополком. Такие грехи должны были очиститься благословением Христа и молитвами к Господу, подобно тому как грехопадение Адама было очищено страданием Спасителя.

⁴² БЛДР. Т. 1. С. 328—329; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 286—287.

Важность культа Бориса и Глеба заключается в том, что просматривается сближение и сопоставление святых братьев с Христом. Борис принял решение не бороться со Святополком, хотя у него было войско для обороны от печенегов и возможность употребить его для борьбы за власть. Древнерусские люди оценивали такое поведение Бориса как христианское самопожертвование. В «Сказании» Борис перед своей гибелью прямо говорит об этом: «Господи Иисусе Христе! Как Ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!» Здесь автор «Сказания» явно сближает образы Бориса и Христа.

Древнерусские люди также сближали с Христом и Глеба. В Послании к Галатам сказано: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе), дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою» (Гал. 3: 13—14). Эти слова апостола Павла основаны на Второзаконии: «...тело его не должно ночевать на древе, но погреби его в тот же день, ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на древе], и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел» (Втор. 21: 23). По иудейским представлениям, распятый (повешенный на древе) Христос считался «клятвою» (проклятым), но христиане поклоняются проклятому как Богу. Так и Глеб, считающийся проклятым по языческим представлениям, стал почитаться христианским святым.

Здесь также присутствует сближение несчастного покойника с Христом. В сути канонизации Бориса и Глеба усматривается целый комплекс религиозных взглядов о различных типах самопожертвования. Такой процесс евангелизации оказался типичным для русского христианства на заре туманной юности воспринятой из Византии религии. Характерное для русского православия «обожение» («Θέωσις») вызвало канонизацию первых русских православных святых Бориса и Глеба. И их канонизация, и поклонение им, в свою очередь, оживили и продолжают оживлять такую тайну православного христианства, как «обожение».

Список литературы

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / [Пер. с нем.]. М.: Наука, 1991. 507 с.

Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого; подгот. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Зеленин Д. К. К вопросу о русалках: (Культе покойников, умерших неестественною смертью, у русских и у финнов) // *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре, 1901—1913. М.: Индрик, 1994. С. 230—328.

Левкиевская Е. Е. Мертвых культ // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 227—231.*

Левкиевская Е. Е. Покойник «заложный» // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 118—124.*

Левкиевская Е. Е. Предки // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 249—252.*

Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. 1. 636 с.

Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевъ по отци»: Усобица 1015—1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. 292 с. (Славяно-германские исследования; Т. 4).

Назаренко А. В. Борис и Глеб // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2003. Т. 6. С. 44—60.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 317 с.

Святые князья-мученики Борис и Глеб: Исследование и тексты / Отв. ред. Г. М. Прохоров; исслед. и подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2006. 432 с.

Сказание о Борисе и Глебе / Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 228—251.

References

Levkievskaja E. E. Mertyvkh kul't // Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar': V 5 tomakh / Pod obščhej redaktsiei N. I. Tolstogo. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. Т. 3. S. 227—231.

Levkievskaja E. E. Pokoinik «zalozhnyi» // Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar': V 5 tomakh / Pod obščhej redaktsiei N. I. Tolstogo. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009. Т. 4. S. 118—124.

Levkievskaja E. E. Predki // Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar': V 5 tomakh / Pod obščhej redaktsiei N. I. Tolstogo. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009. Т. 4. S. 249—252.

Markelov G. V. Sviatye Drevnei Rusi: Materialy po ikonografii (prorisi, perevody, ikonopisnye podlinniki). Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1998. Т. 1. 636 s.

Mikheev S. M. «Sviatopolk" s'de v Kievъ po ottsi»: Usobitsa 1015—1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskikh istochnikakh. Moskva: Institut slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, 2009. 292 s. (Slaviano-germanskie issledovaniia; Т. 4).

Nazarenko A. V. Boris i Gleb // Pravoslavnaia entsiklopediia. Moskva: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia», 2003. Т. 6. S. 44—60.

Petrukhin V. Ia. Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX—XI vekov. Smolensk: Rusich; Moskva: Gnozis, 1995. 317 s.

Skazanie o Borise i Glebe / Podgotovka teksta i perevod L. A. Dmitrieva // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. Т. 1. S. 228—251.

Skazanie o Borise i Glebe / Podgotovka teksta i perevod L. A. Dmitrieva // Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Moskva: Khudozhestvennaia literatura, 1978. [Vypusk 1]: XI — nachalo XII veka. S. 278—303.

Skazanie o Borise i Glebe: Faksimil'noe vosproizvedenie zhitiinykh povestei iz Sil'vestrovskogo sbornika (vtoraia polovina XIV veka). Moskva: Kniga, 1985. Т. 1. [160 s.]; Т. 2: Nauchno-spravochnyi apparat izdaniia. 151 s.

Sviatye kniaz'ia-mucheniki Boris i Gleb: Issledovanie i teksty / Otvetstvennyi redaktor G. M. Prokhorov; issledovanie i podgotovka tekstov N. I. Miliutenko. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo O. Abyshko, 2006. 432 s.

Tokarev S. A. Religiiia v istorii narodov mira. 4-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva: Politizdat, 1986. 575 s.

Uspenskii sbornik XII—XIII vekov / Izdanie podgotovili O. A. Kniazevskaia, V. G. Dem'ianov, M. V. Liapon; pod redaktsiei S. I. Kotkova. Moskva: Nauka, 1971. 754 s.

Zelenin D. K. Izbrannye trudy. Oчерki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki / Vstupitel'naiia stat'ia N. I. Tolstogo; podgotovka teksta, kommentarii, ukazatel' E. E. Levkievskoi. Moskva: Indrik, 1995. 432 s.

Zelenin D. K. K voprosu o rusalkakh: (Kul't pokoinikov, umershikh neestestvennoi smert'iu, u russkikh i u finnov) // Zelenin D. K. Izbrannye trudy: Stat'i po dukhovnoi kul'ture, 1901—1913. Moskva: Indrik, 1994. S. 230—328.

Zelenin D. K. Vostochnoslavianskaia etnografiia / [Perevod s nemetskogo]. Moskva: Nauka, 1991. 507 s.